

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-1-125-150>

Научная статья / Research article

Судьба комбатантов Первой мировой войны в контексте истории Зарубежной России

З.С. Бочарова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; 119991,
РФ, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1, строение 13, корпус «В»; kpzg@mail.ru

The Fate of World War I Combatants in the History of the Russian Diaspora

Zoya S. Bocharova

Lomonosov Moscow State University; GSP-1, Leninskie Gory,
Moscow, 119991, Russia; kpzg@mail.ru

Abstract: This article studies the fate of World War I veterans in the Russian diaspora. The author discusses the settlement of former combatants, assistance by émigré organisations, and historical memory. Her research relies on a broad source base, including archival and published documents, as well as émigré periodicals. The article demonstrates that the former combatants were scattered in various countries and included prisoners of war, officials of the Russian Expeditionary Corps, as well as the members of the White movement. She concludes that, in contrast to Soviet Russia, the Russian diaspora sought to commemorate the “bearers of Russian honour” and perpetuate the memory of their exploits with memorials to those died in foreign lands.

Keywords: Russian diaspora, World War I, Russian combatants, memorials to Russian soldiers

For citation: Bocharova, Zoya S. “The Fate of World War I combatants in the history of the Russian diaspora.” *RUDN Journal of Russian History* 18, no. 1 (February 2019): 125–150. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-1-125-150>

Введение

Первая мировая война по своим геополитическим, экономическим, идеологическим и духовно-нравственным последствиям не имела себе равных. Она определила вектор и доминанты мирового развития в начинающемся XX в. Значимость уроков, которые следует извлечь из ее итогов, дискуссионность, многообразие и многогранность вопросов, поднимаемых в ходе ее осмысления, все более раскрываются по мере изучения

темы. Обращение к судьбам комбатантов, оказавшимся после окончания Первой мировой войны за рубежом, обусловлено тем, что в историографии проблема обозначена, исследованы отдельные стороны, но комплексной и системной картины пока не сложилось. Актуализирует проблему также необходимость ее изучения в русле «новой исторической науки». Важно показать деятельность эмиграции, участников Первой мировой войны по мемориализации памяти павших сослуживцев.

В советский период были стерты ценностные основы для формирования героических, позитивных образов, связанных с этой войной. Патриотические идеалы, ради которых шли в бой, заменили в общественном сознании определением войны как империалистической и захватнической, и, как следствие, «приглушены» воинские честь, достоинство и подвиги, проявленные на войне. Таким образом, тема имеет научную, политическую и практическую актуальность.

Война принесла колоссальные разрушения и беспрецедентные жертвы: Европа лишилась трети своих богатств, общая стоимость войны составила 359,9 млрд долларов золотом или 699,4 млрд руб. (что в десять раз, по авторитетной оценке американского экономиста Э.Л. Богарта, превысило стоимость войн с 1793 по 1907 г.)¹, 10 млн погибших, 20 млн раненых, из которых от 3,5 до 7 млн человек остались инвалидами и калеками, 8–9 млн солдат и офицеров на всех фронтах попали в плен.

В России из 16 млн мобилизованных солдат 2 млн 600 тыс., по уточненным сведениям, были убиты², более 3 млн – ранены, от 3 млн 344 тыс. до 5 млн, по разным сведениям³, попали в плен. Эти жертвы – вклад в победоносный исход мировой войны в пользу стран Антанты. Военные и политики союзных стран безоговорочно признавали заслуги русского воинства.

¹ E.L. Bogart, *War costs and their financing; a study of the financing of the war and the after-war problems of debt and taxation* (New York: D. Appleton and company, 1921); E.L. Bogart, *Direct and Indirect Costs of the Great World War* (Scholar's Choice Edition, 2015); Степанов А.И. Цена войны: жертвы и потери // *Мировые войны XX века*. М.: Наука, 2002. Кн. 1. С. 624–643.

² Незабывая война. Редакция портала «Русский мир». 9.11.2018. URL: <https://ruskiymir.ru/publications/248555/>.

³ *Криворучко А.А.* Первая мировая война: итоги и уроки // *Вестник МГЛУ. Общественные науки*. Вып. 4 (788). С. 145–146, 140–156; *Нагорная О.С.* Другой военный опыт. Российские военнопленные в Германии в период Первой мировой войны (1914–1922). М.: Новый хронограф, 2010; *Поляков Ю.А.* Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М.: Наука, 1986. С. 100; R. Nachtigal, “Zur Anzahl der Kriegsgefangenen im Ersten Weltkrieg,” *Militär-geschichtliche Zeitschrift*, no. 67 (2008): 345–384.

В подтверждение можно привести слова героя Великой войны, французского маршала главнокомандующего союзными войсками Ф. Фоша: «Если Франция и не была стерта с карты Европы, то в первую очередь благодаря мужеству и стойкости русских солдат»⁴. В 1939 г. бывший британский премьер-министр Д. Ллойд Джорж напомнил в Палате общин, что Париж был бы взят Германией, если бы не помощь России в войне 1914–1918 гг., а немецкие гарнизоны по сию пору стояли бы во Франции и Бельгии⁵. Для самой же России главным социально-политическим следствием стала смена политической системы и развал империи. Революция 1917 года коренным образом изменила ход и российской, и мировой истории. Поскольку русский фактор сыграл значимую роль в истории войны, он неизбежно должен быть зафиксирован в исторической памяти как россиян, так и западного гражданского общества.

Историография Первой мировой войны имеет давние традиции, чрезвычайно объемна и включает в себя как обобщающие работы, так и комплекс разноплановых, написанных на более узкие темы⁶. В ее отечественном секторе изучение и обсуждение «великой», «забытой» войны в значительной степени оставалось политизированным. Вместе с тем наметился перелом в научном дискурсе. Приоритетные позиции завоевывает внимание к человеку, проблематика патриотизма, жертвенности, предательства и морали. Исполнительный директор фонда «История Отечества» К.И. Могилевский на пресс-конференции, посвященной 100-летию окончания Первой мировой войны в ноябре 2018 г., отметил, что «возвращение памяти о войне – это, в первую очередь, возвращение памяти о людях – о героях и жертвах войны»⁷. Научная рефлексия с таким подходом получила реализацию в деятельности Российской ассоциации историков Первой мировой войны (РАИПМВ), созданной в декабре 1992 г., в программах

⁴ Будберг А.П. Вооруженные силы Российской империи в исполнении общесоюзных задач и обязанностей во время войны 1914–1917 гг. Париж: [Б.и.], 1939. С. 3.

⁵ Хавкин Б.Л. Русский фронт Первой мировой войны (1914–1918 годы) // Новая и новейшая история. 2014. № 1. С. 7.

⁶ Базанов С.Н. За честь и величие России. Забытая война. М.: Территория будущего, 2011; Мировые войны XX века. М.: Наука, 2002. Кн. 1.; Первая мировая война: историографические мифы и историческая память. М.: РИСИ, 2014; Уткин А.И. Первая мировая война. М.: Алгоритм, 2001; Шаццло В.К. Последняя война царской России. М.: РОССПЭН, 2010; R.F. Collins, *World War I: Primary documents on events from 1914 to 1919* (Westport, CT: Greenwood Press, 2008).

⁷ Незабываемая война. Редакция портала «Русский мир». 9.11.2018. URL: <https://russkiymir.ru/publications/248555/>.

фондов, научных и общественных российских организаций – Российского исторического общества (РИО), Российского военно-исторического общества (РВИО) и др. Новые научные наработки сделали возможным издание трехтомной энциклопедии «Россия в Первой мировой войне, 1914–1918»⁸ (аналогичные издания есть и в других странах). Анализируется историографический багаж о причинах, характере, последствиях войны⁹.

Неотъемлемой частью исследовательского пространства является Российская революция 1917 г., которая сказалась на исходе войны для России и судьбе комбатантов, часть которых прошла еще и через Гражданскую войну, затем оказалась в эмиграции. И, если ход военных действий, международные и социально-экономические аспекты, повседневная жизнь, вопросы, связанные с ментальностью, в той или иной мере изучены на региональном и общероссийском уровнях, то задача выявления роли, деятельности и судьбы военной эмиграции и в целом военных чинов, не решена. Прежде всего речь идет о воевавшем во Франции и на Салоникском фронте в Греции Русском экспедиционном корпусе¹⁰, военнопленных и интернированных, о солдатах и офицерах, имевших опыт Великой войны и борьбы с большевиками на стороне белых и эвакуировавшихся после их поражения.

Наиболее изученным в отечественной и зарубежной историографии представляется вопрос о положении военнопленных, солдат Русского экспедиционного корпуса и их возвращении на родину¹¹. Следует отметить

⁸ *Сорокин А.К.* Россия в Первой мировой войне. 1914–1918. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2014.

⁹ *Филитов А.М.* История Первой мировой войны в современном международном дискурсе: традиционные дискуссии, новые темы, «белые пятна» // *Российская история*. 2017. № 4. С. 103–122.

¹⁰ *Летнев А.* Солдаты России в Алжире (1918–1920 гг.) // *Вопросы истории*. 1998. № 5. С. 128–136.

¹¹ *Абенсур Ж.* Русский экспедиционный корпус во Франции во время первой мировой войны // *Новейшая история России*. 2014. № 3. С. 74–85; *Асеев И.А.* Деятельность Российского Общества Красного Креста по защите прав военнопленных в годы первой мировой войны // *Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал* 2009. № 4. С. 21–23; *Бочарова З.С.* Возвращение на родину солдат русского экспедиционного корпуса в 1920-е годы // *Военно-исторический журнал*. 2009. № 9. С. 51–58; *Васильева С.Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны. М.: МГОПУ, 1999; *Жданов Н.* Русские военнопленные Первой мировой войны. 1914–1918 гг., М.: [Б.и.], 1920; *Жданова И.А.* Организация возвращения российских пленных в 1918–1919 годах // *Российская история*. 2011. № 4. С. 63–72; R. Nachtigal, *Russland und seine österreichisch-ungarischen Kriegsgefangenen 1914–1918* (Remshalden: [S.n.], 2003); A. Rachamimov, *POWs and the Great War: Captivity on the Eastern Front (Legacy of the Great War)* (New York: Berg, 2002).

работы С.С. Поповой¹², А.В. Павлова¹³, И.Б. Беловой¹⁴, О.С. Нагорной¹⁵, И.П. Щерова¹⁶, которые вводят в научный оборот новые архивные материалы об организации репатриации, роли международных организаций, в том числе Международного Красного Креста и национальных краснокрестных обществ, в оказании помощи военнопленным. Особое внимание в отечественной историографии уделяется также последствиям миграции населения в ходе войны, после 1917 г., возвращению беженцев¹⁷. В исследовательский дискурс включено влияние революционных событий, подписания Брестского мира и Компьенского перемирия в 1918 г. на русских солдат и офицеров за рубежом, работа с бывшими военнопленными после возвращения домой, различные аспекты жизни военной эмиграции, в том числе бывших военнопленных, не пожелавших возвращаться в Советскую Россию. Отмечено использование военнопленных в политической игре и в качестве подневольных рабочих для восстановления экономик разных стран¹⁸. Анализ научной литературы показывает, что специальным предметом исследования комбатанты Первой мировой войны в Русском зарубежье не являлись, обобщающего исследования, позволяющего взглянуть на проблему комплексно и системно, пока не проведено.

Источниковую базу составили материалы Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), архивов внешней политики Российской империи (АВПРИ) и Российской Федерации (АВПРФ), а также опублико-

¹² Попова С.С. В плену у союзников: О положении русских солдат и офицеров во Франции // Военно-исторический журнал. 1996. № 4. С. 37–39; Она же. Судьба русского экспедиционного корпуса во Франции после революции в России. По неопубликованным материалам Военного министерства Франции // Россия и Франция. XVIII–XX века. М.: Наука, 1995. С. 196–216.

¹³ Павлов А.Ю. «Русская одиссея» эпохи Первой мировой: Русские экспедиционные силы во Франции и на Балканах. М., СПб.: Вече; Рус. христ. гуманит. академия, 2011.

¹⁴ Белова И.Б. Возвращение русских военнопленных Первой мировой войны в Советскую Россию: историографический аспект // Вестник ВятГУ. 2014. № 4. С. 72–77.

¹⁵ Нагорная О.С. Другой военный опыт. Российские военнопленные в Германии в период Первой мировой войны (1914–1922). М.: Новый хронограф, 2010.

¹⁶ Щеров И.П. Центропленбеж в России: история создания и деятельность в 1918–1922 гг. Смоленск: СГПУ, 2000.

¹⁷ Белова И.Б. Основные проблемы российского беженства 1915–1925 гг. в отечественной и зарубежной историографии // Вопросы истории. 2017. № 11. С. 156–164; Peter Gatrell, “War, Refugeedom, Revolution Understanding Russia’s refugee crisis, 1914–1918,” *Cahiers du monde russe* 58, no. 1–2 (2017): 123–146, <http://journals.openedition.org/monderusse/10073>.

¹⁸ J. Baur, Zwischen, “ ‘Roten’ und ‘Weißen’ – russische Kriegsgefangene in Deutschland nach 1918,” in *Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941. Leben in europäischen Bürgerkrieg*, hg. von K. Schlögel (Berlin: Akad. Verl., 1995), 93–108; *Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs* (Paderborn: Ver. Ferdinand Schöningh, 2005).

ванные документы¹⁹, эмигрантская периодическая печать (газеты «Руль», «Последние новости», журналы «Закон и суд», «Часовой»), публицистика. Особое место заняли письма солдат Русского экспедиционного корпуса и военнопленных в редакцию газеты «Русский солдат-Гражданин во Франции», выходящей в Париже в 1917–1921 гг., редактору сменившей ее газеты «Луч» Н.А. Палчевскому, в подотдел о военнопленных и интернированных при Исполнительной комиссии Совещания членов Учредительного собрания в Париже. Авторов писем прежде всего интересовало, какими путями можно попасть на родину, как легализоваться, получить паспорт вместо военного удостоверения, как заключить брак, просили о помощи в трудоустройстве. Переписка была важнейшим средством связи, получения консультаций, рекомендаций и является для исследователя наиболее аутентичным видом источника.

В статье использованы общенаучные и специальные методы исследования: институциональный, статистический, сравнительный анализ при соблюдении комплексного и системного, антропологического подходов, принципа историзма и объективности.

Цель статьи – выявить место и роль участников Первой мировой войны в жизни Зарубежной России (в том числе их численность и состав, места расселения), проследить отношение правительств, в том числе советского, а также эмигрантского социума к комбатантам, показать степень активности самих военных чинов, в частности, по формированию пространства исторической памяти за рубежом.

«Завезли в такую даль от любимой нашей родины...»

Окончание Великой войны многие тысячи российских солдат и офицеров застали за пределами России. Временное правительство после некоторых колебаний отдало на откуп Франции решать участь солдат и офицеров Русского экспедиционного корпуса. Взяв на себя в декабре 1917 г. командование, содержание и довольствие русских войск, французское правительство их разделило, отправив меньшую часть контингента воевать на французском фронте, которая прославились под названием Русского Легиона Чести (500 человек), вторую группу – на работы (1200 человек) и в десять раз большую («неблагонадежную») – в Северную Африку (почти 12 тыс. человек). 19 января 1918 г. солдат М. Меркурьев в своем письме отмечал: «Живем во Франции не один уже год. Когда-то мы себя показали героями на французской земле, и нас в то время любили как наше офицерство, так и

¹⁹ Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. М.: Триада-Ф, 2002. Т. 3.

французское, а сейчас развезли по всей Франции. Где 20 солдат, где 50. Нет у нас вестей с родины, и здесь не знаем, кто где находится. Очень тоскливо наше положение. ...завезли в такую даль от любимой нашей родины, нет, наверное, несчастней нас, мы не слышим русского привета»²⁰.

После Брестского мира, в период Гражданской войны и иностранной интервенции за счет русских солдат и офицеров пополнялся французский иностранный легион. Стали массово покидать свои лагеря военнопленные в Германии, Австро-Венгрии, в частности, перебираясь в нейтральные страны (Голландию, Швейцарию, Данию), в Бельгию, союзные Францию и Англию или стремясь оттуда попасть к родным очагам. Последние лагеря русских военнопленных в Германии были распущены летом 1922 г. Репатриация носила стихийный характер. Начало организованному процессу обмена военнопленными положили специальные соглашения Советской России со странами Четверного союза: 19 и 20 апреля 1920 г. в Копенгагене – соответственно с Германией и Францией, 28 марта 1921 г. – с Турцией. Подобные соглашения были достигнуты с Литвой, Польшей, Чехословакией и др.

Еще в июле 1918 г. V Всероссийский съезд Советов, затем 29 декабря 1920 г. VIII Всероссийский съезд Советов обратились к военнопленным с призывом возвращаться на родину. ВЦИК было поручено принять все меры к ускорению их возврата²¹. Ф. Нансен, верховный комиссар по делам военнопленных и беженцев (1920–1921 гг.), затем верховный комиссар по делам русских беженцев (с августа 1921 г.), отмечал, что «в Версале даже забыли или сделали вид, что забыли, позаботиться о судьбе 200–300 тыс. русских военнопленных, оставшихся в Европе»²². Поэтому верховный комиссар занялся «оказанием содействия уже начавшемуся бессистемному, добровольному возвращению с Балкан тех беженцев, которые сами желают возвратиться в Россию, чтобы избежать морально и физически разрушающего пребывания в концентрационных лагерях»²³.

В аппарате НКВД РСФСР было создано бюро по делам военнопленных, в составе Наркомата по военным делам, затем (с мая 1919 г.) Наркомата внутренних дел (НКВД) – Центральная коллегия по делам пленных и беженцев (Центропленбеж, с апреля 1918 г.), с февраля 1920 г. – Центральное управление по эвакуации населения (Центроэвак). НКВД зарегистри-

²⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. 6167. Оп. 1. Д. 5. Л. 23.

²¹ Документы внешней политики (далее – ДВП). Т. 3. М., 1959. Док. № 250.

²² Нансен Ф. Россия и мир. М.–Пг.: Госиздат, 1923. С. 21.

²³ Руть. 13 октября 1922 г.

ровал около 4 млн русских пленных, находившихся за границей²⁴, из них: в Австро-Венгрии – 56,9%, в Германии – 43,14%, в Турции – 0,59%, в Болгарии – 0,32%²⁵. За 1914–1917 гг. вернулось из вражеского плена 775 тыс. человек, за 1918–1921 гг. – еще 1,142 млн²⁶. К началу 1920 г., по данным Центропленбежа, за границей находилось еще около 400 тысяч (16,5%) русских военнопленных²⁷.

Военнопленные и legionеры активнее, чем сознательно бежавшие от большевиков эмигранты, стремились на родину. С.С. Попова пишет, что основная часть РЭК возвратилась на родину в 1919–1921 гг.²⁸ К 1 января 1920 г., по официальным французским данным, только в Алжире численность российских военнослужащих уменьшилась вдвое²⁹.

Но это были далеко не все, кто хотел и мог вернуться, поэтому репатриация продолжалась и позднее, преимущественно до 1925 г. Значительная часть, особенно те, кто принял участие в белом движении, оставалась в эмиграции добровольно. Привести точные сведения о численности военнопленных, оставшихся за границей, не представляется возможным из-за значительного расхождения в цифрах, которые приводятся в научной литературе.

Таким образом, комбатанты были разбросаны по разным странам, их контингент составили бывшие военнопленные, чины Русского экспедиционного корпуса, остатки белых армий, эвакуировавшиеся из России.

Несколько тысяч комбатантов прошли через французский иностранный легион, чтобы, в большинстве своем, не оказаться в голоде и холоде, на дне, «среди человеческих подонков»³⁰. Как бы ни была тяжела служба, такой путь возвращал военных в более или менее привычную среду. Всего

²⁴ Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения. Ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. Учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РГГУ, 1994. С. 98.

²⁵ Щеров И.П. Центропленбеж в России: история создания и деятельность в 1918–1922 гг. Смоленск: СГПУ, 2000. С. 4.

²⁶ Белова И.Б. Возвращение русских военнопленных Первой мировой войны в Советскую Россию: историографический аспект // Вестник ВятГУ. 2014. № 4. С. 75.

²⁷ Белова И.Б. Возвращение на родину русских военнопленных и меры советского государства по их материальной поддержке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 1–1 (27). С. 24–28; С. 25.

²⁸ Попова С.С. Судьба русского экспедиционного корпуса во Франции после революции в России. По неопубликованным материалам Военного министерства Франции // Россия и Франция. XVIII–XX. М.: Наука, 1995. С. 199.

²⁹ Летнев А. Солдаты России в Алжире (1918–1920 гг.) // Вопросы истории. 1998. № 5. С. 134.

³⁰ Тарусский Е. Беседы на бивуаках // Часовой. 1938. № 207. С. 19.

же, как свидетельствует Е. Недзельский, в 1920-е гг. вербовочные контракты подписали около 8 тыс. русских эмигрантов³¹, часть которых составляли лица, вступившие в легион еще в 1918 г., затем в 1919 г., после эвакуации из Одессы и Бессарабии, и в 1920 г. – после Крымской катастрофы, а также бежавшие из германского плена. После истечения контрактов их продлевали, либо люди возвращались в Россию или устраивались во Франции с возможной в последующем натурализацией.

«Следование одиночным порядком» на родину

Вопрос о судьбе легионеров приобрел особую остроту в 1924–1926 гг. в связи с завершением контрактов, которые они заключали главным образом в 1919–1921 гг. НКВД СССР прогнозировал рост волны репатриантов к этому времени. По настоянию англо-романского отдела этого ведомства легионеры не были выделены в отдельную категорию, и их дела о возможности предоставления гражданства и советского паспорта решались строго индивидуально и разбирались каждое в отдельности. Это означало, что вопрос о гражданстве и выдаче советского паспорта рассматривался с точки зрения возможности разрешить данному лицу въезд и проживание в СССР. Наличие советского паспорта являлось основанием для обновления разрешения на жительство. Французское правительство такой вариант наиболее устраивал, т.к. в случае высылки легионера страна гражданства (в данном случае СССР) обязана была высланных принять.

Солдатам, которых французские власти преследовали и выдворяли из страны по военно-политическим мотивам, давали разрешение на въезд без запроса центра. Лишь по прибытии на территорию СССР такие лица подвергались проверке. Поэтому им выдавали не «свидетельства на возвращение в СССР (проходные свидетельства)», а «эвакуационные свидетельства» с надписью «для следования одиночным порядком»³². Солдатам во Франции, воевавшим в белых армиях и амнистированным³³, ставшим советскими гражданами, но при этом желавшим остаться на жительство в стране, в паспортах ставилась помета о необходимости получения особой

³¹ Соколов А.А. Русские в Иностранном легионе: Индокитай (конец XIX – середина XX века) // Вьетнамские исследования. 2012. № 2. С. 313. Численность приведена по: Недзельский Е. Иностраннный легион и Русские // Своими путями. Прага. 1925. № 8–9.

³² АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 8. П. 108. Д. 140. Л. 13.

³³ Речь идет о декрете ВЦИК от 3 ноября 1921 г. «Амнистия лицам, участвовавшим в качестве рядовых солдат в белогвардейских военных организациях», предоставлявшем возможность рядовым солдатам бывших белогвардейских формирований вернуться в Россию на общих основаниях с возвращающимися на родину военнопленными. См. об этом: Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1921. № 74. Ст. 611.

визы генконсульства СССР в Париже для въезда на родину. Более того, такие лица должны были письменно заявить о желании остаться во Франции минимум на три года и проставить в паспорте запрет на въезд в СССР на определенный срок.

Такой подход оставался неприемлемым для legionеров, которым без длительных раздумий предстояло выбрать между подписанием нового пятилетнего контракта, необходимостью поселиться под надзором в Марселе либо выбыть в Россию.

В Чехословацкой республике, возникшей на развалинах Австро-Венгерской империи, правительство не вело учета военнопленных как самостоятельной категории русских граждан. В отношении их оно ограничилось отправкой 7 380 человек после заключения мира, и с тех пор, как ушел последний эшелон, «вопрос о военнопленных как самостоятельной категории русских граждан для чехословацкого правительства не существовал»³⁴. С 1921 г. началась «русская акция» помощи, и актуальность особого подхода к комбатантам потеряла свое значение.

Таким образом, подавляющее большинство участников Первой мировой войны, оказавшись в незнакомой обстановке, новых непривычных условиях в чужой стране, подчас не имея профессии, неграмотные, были дезориентированы, не знали, куда обратиться за помощью для решения своих проблем, ибо они остались без поддержки и защиты Отечества и военного командования. Во внешнеполитической игре их карта активно разыгрывалась, и дальнейшая судьба становилась объектом манипулирования. Правительства стран-союзниц, по замечанию писателя И.С. Шмелева, легко забыли, что для них сделала Россия в годы Великой войны, и в условиях послевоенной разрухи уделить должное внимание решению «чужих» проблем не могли. Советская Россия озаботилась судьбой своих соотечественников за рубежом, но, как и другие страны, на первый план ставила геополитические и экономические соображения, а также классовые интересы.

Поэтому на первый план выходила самоорганизация эмиграции. Группа русских писателей через издававшуюся в Париже газету «Последние новости» опубликовала призыв к «Русским зарубежным людям», где, в частности, отмечалось: «Народы чтут героев: живым – забота, мертвым – память. Мы – на чужбине, могилы “неизвестного солдата” у нас нет, а тысячи страдальцев наших – с нами. Они – и наша честь, и наше оправданье перед миром. Их раны и страдания – за Россию. Они остались верны чести, долгу. Это наш русский паспорт. Он не всеми признан; но мы-то знаем, что это

³⁴ ГА РФ. Ф. Р-5804. Оп. 2. Д. 69. Л. 168 об.

настоящий паспорт и дорого оплачен. Россия ничего не может. Делать за нее – наш долг. Это долг нашей чести, русской чести»³⁵.

«ЖИВЫМ – ЗАБОТА, МЕРТВЫМ – ПАМЯТЬ»

Забота. Страны-реципиенты – комбатантам

И.С. Шмелев, сетуя на то, что союзники забыли жертвы, которые принесла Россия на алтарь победы, был прав лишь отчасти. Наиболее незащищенных участников войны – инвалидов – государства брали под защиту. Недавнее окончание Первой мировой и Гражданской войн обусловило их высокий удельный вес за рубежом. При составлении списков инвалидов опирались на разработанные нормативы степени утраты трудоспособности³⁶.

Созданная при верховном комиссаре по делам беженцев межправительственная совещательная комиссия в составе представителей правительств и экспертов одобрила в сентябре 1930 г. усилия государств, направленные на то, чтобы уравнивать статусы военных инвалидов – граждан страны и русских, оказавшихся в эмиграции³⁷. Те страны, которые еще не сделали подобный шаг, комиссия призывала исправить положение.

Наибольшее число инвалидов проживало в странах, где разместились преимущественно военные чины (Болгария, Югославия). Регулярно сюда из Константинополя эвакуировали инвалидов I и II категории. В Югославии русские инвалиды были уравнианы с сербскими и получали постоянную пенсию³⁸. В 1926 г. вступил в силу закон о помощи русским инвалидам, облегчавший их положение. С 1 апреля 1926 г. пенсию получали инвалиды – участники Первой мировой войны, которые были признаны инвалидами Высшей медицинской комиссией при Державной комиссии до 24 декабря 1925 г. Инвалиды 1-й группы (категории), потерявшие 100% трудоспособности, ежемесячно получали 800–400 динаров, 2-й (потерявшие 75–100% трудоспособности) – 400–200 динаров, 3-й (утратившие 50–75% трудоспособности) – 200–100 динаров. Однако и эти мизерные суммы люди получали с большими задержками. Помощь инвалидам не ограничивалась выплатой пособий. Им предоставлялось право бесплатного лечения на всех курортах Сербии и Воеводины. Всего к 1926 г. в Королевстве сербов, хорватов, словенцев (КСХС) для выплат 1 954 русским военным инвалидам государство тратило 6 млн динаров в год³⁹. Практиче-

³⁵ Последние новости. Париж, 14 мая 1928 г.

³⁶ ГА РФ. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 536. Л. 20.

³⁷ Закон и суд. Рига, 1931. № 17. Ст. 551.

³⁸ Бюллетень № 59–60 Российского Земско-городского комитета. 15 мая 1930 г. С. 20.

³⁹ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 108. Л. 16.

ски безотказно правительство удовлетворяло просьбы о бесплатном лечении на курортах, в санаториях и больницах, о выдаче троекратного половинного годового проезда по железной дороге, бесплатного направления на лечение, о протезах, направляло «для дожития» в сербские инвалидные дома, на инвалидные заводы для изучения ремесел (как и сербов-инвалидов)⁴⁰. Правительственная газета «Служебный вестник» от 4 октября 1935 г. опубликовала «Инструкцию по применению постановления о приеме на работу иностранных граждан». В ней говорилось о том, что военные инвалиды имели право на свободное и беспрепятственное занятие трудом на основании имевшихся у них на руках решений министерства социальной политики (МСП) о назначении им пособия по инвалидности⁴¹.

В Болгарии через Комитет по делам русских беженцев распределялась на инвалидов почти половина государственной ежемесячной субсидии (1 млн левов) – 400 тыс. левов. Деньги направлялись членам Союза русских инвалидов. Однако не обошлось без злоупотреблений. В Союз зачисляли «мертвых душ», «своих людей». Например, в 1930 г. в Союзе русских инвалидов числилось, судя по ведомостям, более 2 тыс. человек, а фактически с женами и детьми насчитывалось около 900. Все служащие Комитета по делам русских беженцев в Болгарии были зачислены в Союз инвалидов. Член Комитета, представитель совета послов и нансеновского офиса Б.С. Серафимов являлся почетным членом Союза и также имел право на получение пособия⁴². Предусматривалась еще одна преференция для инвалидов: получение по льготному тарифу нансеновского паспорта.

Наибольшего внимания к своим проблемам комбатанты ожидали от Франции. Однако после заключения Брестского мира интерес к ним погас. Более того, русских военных расценивали как большевиков, подрывающих основы французской государственности. Однако во французском обществе не все были согласны с таким подходом. Депутат парламента П. Тетинжер [Pierre Taitinger] опубликовал статью «Священный долг», в которой подчеркнул, что «русские инвалиды войны приняли страдания не только за Россию, но и за все союзные державы». Он писал: «Мало того, что отдавали за нас кровь: они пожертвовали за нас кровом! И если они теперь дрожат от стужи в неведомых лачугах, где-то далеко от родимых изб, то это потому, что не захотели соучаствовать с большевиками в измене; потому, что сохранили верность нашему делу, наперекор всему, – верными остались, вплоть

⁴⁰ АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 108. Л. 16.

⁴¹ Там же. Д. 59. Л. 68.

⁴² ГА РФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 55. Л. 17–19.

до изгнания, до истощения, верными – и это, увы, часто! – до смерти! ... Мы просим выплатить долг чести, взятый нашей родиной»⁴³.

Предметом заботы стали, прежде всего, инвалиды – чины Русского экспедиционного корпуса. Потерявшим трудоспособность солдатам выплачивалась пенсия, право на которую сохранялось и по возвращении на родину. Так, в российскую миссию Красного Креста в Марселе, которая занималась организацией возвращения на родину русских солдат, поступило прошение «бывшего солдата 8-го особого пехотного полка, впоследствии 1-го Русского легиона» С.Д. Брусникина. В нем говорилось: «Будучи расформирован в 1921 г. с потерей 10% трудоспособности, я получаю пожизненную пенсию в размере 240 франков⁴⁴ в год по 60 франков каждые три месяца. Принимая во внимание, что с отъездом моим на родину я лишаяюсь возможности получения пенсии на месте, во Франции, я имею честь просить ходатайства миссии Российского Красного Креста перед кем следует о выдаче мне пенсии..., и о пересылке мне в Россию, на мою родину, регулярно и каждые три месяца моей пенсии»⁴⁵. В свою очередь, в Советской России коллегия НКВД также рассматривала вопрос о пенсиях солдатам экспедиционного корпуса. У солдат, вовлеченных в военные действия насильственно либо обманом и восстановленных в гражданстве, принимали ходатайства о пенсии за военные увечья⁴⁶.

После увольнения со службы во французском иностранном легионе власти выдавали документы для легализации в стране, далее направляли в Марсель, предоставляли преференции (но не гарантии) по трудоустройству. Государство шло на это в «благодарность» за оказанную ему услугу. В Марселе легионер поступал в ведение министерства труда.

Пятилетний контракт оказывался для многих непомерной ношей из-за чрезвычайно тяжелых условий службы в иностранном легионе. И тогда легионеры обращались в газеты, во всевозможные эмигрантские и советские инстанции с просьбой ходатайствовать перед властями Франции о досрочном разрыве контрактов, о возвращении их на родину. Но эту задачу решить было невозможно. Не выдержав унижений, многие легионеры дезертировали, несмотря на жестокие наказания в виде тюремного заключения на срок до пяти лет с последующей высылкой из Франции или продолжением службы с жалованием в два раза меньшим по сравнению с остальны-

⁴³ Шмелев И.С. «Снова напоминаю вам...» // Возрождение. 21 мая 1927 г.

⁴⁴ 250 франков стоило пальто.

⁴⁵ АВП РФ. Ф. 0510. Оп. 1. П. 1. Д. 6. Л. 2.

⁴⁶ Там же. Ф. 136. Оп. 8. П. 108. Д. 140. Л. 34.

ми легионерами. Укрывала беглецов и оказывала им посильную помощь кемалистская Турция, откуда они намеревались попасть на родину.

Забота. «Повлиять на политику по отношению к российским гражданам» (деятельность подотдела о военнопленных и интернированных)

Вопрос о защите интересов соотечественников решался и на общеэмигрантском уровне. Общественно-политические силы Зарубежной России попытались создать или реанимировать институты, которые могли бы стать некой квазигосударственной властью транстерриториального эмигрантского социума и отстаивать его интересы (это были Русский совет, Русский парламентский комитет, Русское национальное объединение, Совецание членов Учредительного собрания). Поэтому не случайно, осознавая остроту проблемы, Исполнительная комиссия Совецания членов Учредительного собрания в январе 1921 г. в Париже организовала особый подотдел о военнопленных и интернированных. Именно сюда массово обращались комбатанты за консультативной, правовой, информационной, материальной помощью. Подотдел сыграл важную посредническую роль между эмигрантскими структурами, правительствами и военнопленными и интернированными. Возглавил его О.С. Минор (1861–1932) – политический и общественный деятель, эсер, приехавший в Париж в 1919 г. Он также являлся председателем Политического Красного Креста в Париже, членом редакции пражской газеты (а впоследствии журнала) «Воля России», активистом Парижского Земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей, участвовавшим в деятельности Ревизионной комиссии.

Приступая к работе, работники подотдела выразили свое глубокое братское сочувствие и объявили своей главной задачей защиту прав и интересов военнопленных и интернированных. «Наша жизнь за границей, как известно, регулируется не столько общими законами, – говорилось в обращении, – сколько особыми циркулярами и, что еще хуже, нарушениями и злоупотреблениями и законов, и циркуляров. Помощь в этом отношении должна быть организована главным образом путем сношений с правительствами тех государств, где вы находитесь, и обращением к парламентским и политическим группам с целью повлиять на политику по отношению к российским гражданам»⁴⁷. Поскольку Учредительное собрание стало самым представительным органом, избранным на основе всеобщего голосо-

⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р-5804. Оп. 2. Д. 71. Л. 7.

вания, избранная в эмиграции его Исполнительная комиссия считала себя организацией, для таких целей наиболее приспособленной.

Действительно, в подотдел о военнопленных и интернированных были направлены тысячи (!) писем, через него решали самый разнообразный спектр вопросов – от бытовых до репатриационных. Приведем пример решения одного из них. После передачи РЭК в руки французского командования часть воинских чинов 1-й и 2-й особых дивизий записалась во французский иностранный легион, где должна была служить до конца войны. В результате их демобилизовали в октябре 1920 г. Но ни свободы, ни возвращения на родину они не дождались. Бывших легионеров поселили в казармах, направили на работы за мизерную плату. Командование на жалобы не реагировало. Через год они обратились в подотдел о военнопленных и интернированных, который предпринял практические шаги по защите интересов соотечественников, обратившись в международные (Международное бюро труда) и национальные (Министерство иностранных дел Франции) инстанции. Уже в начале 1922 г. группа солдат писала в подотдел, что дело двинулось с места, и благодарила за хлопоты. Французское военное министерство оплатило им дорогу, и легионеры 10 января 1922 г. были отправлены на родину.

Через подотдел только во французское военное министерство было подано 2200 прошений. Главным образом ходатайства солдат касались отправки в Россию за казенный счет. Такое право французское правительство предоставляло солдатам, принадлежавшим русским военным частям, сражавшимся во время войны во Франции и бывшим русским военнопленным в Германии, которые после перемирия перебрались в страну. Соответствующую информацию подотдел активно распространял.

Подотдел о военнопленных и интернированных оказывал правовую помощь, решал вопросы легализации оставшихся на проживание во Франции комбатантов. Поскольку русские паспорта утрачивали свое значение, необходимо было получить «карт д'идантите», которая выдавалась французской полицией. О.С. Минор информировал: «Совершенно достаточно будет Вашего увольнительного, с французской военной службы, свидетельства и, если еще нужно будет, то можно будет достать от консула “сертификат де насионалите”, в необходимости коего для Вас сомневаюсь. Русский же паспорт Вам нужен будет, если Вы захотите выехать из Франции, для получения соответствующих виз. Кроме того, если бы Вы захотели получить необходимые документы на право проживания во Франции, помимо увольнительного, с французской службы, свидетельства, то ввиду того, что у Вас нет виз на въезд во Францию, Вы были бы немедленно вы-

сланы полицией за пределы Франции как нежелательный элемент»⁴⁸. Для проживания и поступления на работу на первое время достаточно было тех документов, которые выдавались из полка.

Просьбы о материальной помощи подраздел удовлетворить не мог. Некоторые суммы направлялись Союзу русских бывших военнопленных и интернированных в Германии, через который и распределялись комбатантам. Да и эту помощь Союзу и другим организациям военнопленных и интернированных с 1 февраля 1922 г. подраздел прекратил «за неимением более в его распоряжении кредитов»⁴⁹.

Вынужденные отказы получали и те комбатанты, которые просили содействия в трудоустройстве или хотя бы опубликования объявления о поиске работы. Так, бывшего военнопленного А. Аважева, писавшего из Кведлингбурга, сотрудники подразделения предупреждали, что «Франция, а в частности Париж, изобилует бывшими преподавателями русского языка – следовательно, все, что возможно, уже занято ими»⁵⁰. Германский Союз военнопленных и интернированных содействовал через подраздел переезду своих подопечных во Францию. Но эти возможности были ограничены. О.С. Минор информировал Союз через М. Исполатова: «Что касается переезда во Францию Наумова, то добиться во Францию визы весьма трудно. Найти занятия во Франции – все равно, что верблюду в игольное ушко залезть. Но во всяком случае сообщите о Наумове все подробности, т.е. кто он, откуда, знает ли языки, умеет ли работать и т.д. А там посмотрим»⁵¹.

Очень важна была информационная поддержка, солдаты писали, что высылаемые им редакциями или подразделом газеты, брошюры позволяли чувствовать себя не брошенными, не забытыми, включенными в русскую среду в далеких уголках Франции. Осенью 1922 г. Исполнительная комиссия прекратила свое существование, а с ней и подраздел о военнопленных и интернированных.

Забота. Союзы комбатантов

Существенным и значимым элементом жизни комбатантов стали их объединения, которые являлись местом общения и поиска сослуживцев, через которые можно было получить помощь. Взаимовыручка и взаимопо-

⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р-5804. Оп. 1. Д. 46. Л. 29.

⁴⁹ Там же. Л. 87.

⁵⁰ Там же. Л. 2.

⁵¹ Там же. Л. 87.

мощь отличали военную среду. Воинское братство сплотили Союзы бывших военнопленных и интернированных (Германия, Чехословакия), общество российских солдат во Франции и на Балканах. В конце 1920 г. в Константинополе был основан Союз памяти Русского экспедиционного корпуса во Франции (1916–1918), официально зарегистрированный в 1923 г. в Париже под названием «Союз русских офицеров-ветеранов французского фронта».

Учрежденные в ряде стран Союзы русских инвалидов объединились в Зарубежный Союз русских военных инвалидов под председательством генерала Н.Н. Баратова. Чтобы не стать бременем для общественной благотворительности, Союз открывал свои мастерские, где небольшая часть инвалидов получала возможность заниматься посильным трудом, «перестав смотреть в глаза благотворительности»⁵². Между тем расходы Союза росли непропорционально сборам. К 1926 г., когда отмечался первый День инвалида, Союз насчитывал около 5000 инвалидов, в 1928 г. – 5 994, в 1930 г. – 6 150. В Союзе состояли люди с увечьями (например, 1 инвалид без двух рук, 22 – без двух ног, 19 – эпилептиков, 25 – лежачих, 43 – слепых на оба глаза, 64 – психически ненормальных, 255 – паралитиков, 461 – туберкулезных и т.д.). В дальнейшем Союз стал «прибежищем всех страждущих, нуждающихся и обремененных жизнью, – душеприказчиком неизбывного, безысходного русского горя»⁵³.

Начиная с 1926 г., ежегодно 22 мая, в день Святителя Николая, Главное правление зарубежного Союза русских военных инвалидов в Париже обращалось к русским людям с призывом о помощи «самым обездоленным», «хранителям русской славы и русской чести». Главное правление, которое создавалось с целью организации Дня инвалида, а также производства периодических сборов для инвалидов, состояло из представителей общественности, деятелей культуры, журналистов, а на местах, по всем пунктам русского рассеяния действовали местные комитеты. Издавались также газета «Русский инвалид»⁵⁴, журнал «Инвалид».

22 мая традиционно стал священным днем для Русского зарубежья. В этот день вся «Зарубежная Национальная Русь» призывалась к жертве во имя светлого будущего и в память великого русского прошлого, в память бесчисленных жертв и безымянных могил, невыплаканных слез и страданий. Эмигрантская газета писала: «Тысячи наших инвалидов – без помощи

⁵² Последние новости. 16 мая 1928 г.

⁵³ Там же.

⁵⁴ В 1924–1929 гг. вышло 5 специальных выпусков газеты. С 1930 г. она стала ежемесечной.

и без приюта. ...Тысячи могил безвестных раскиданы по свету. Сколько самоубийств с отчаяния, от безучастия!». Дело помощи русским инвалидам, «носителям русской чести» объединяло всех русских людей в одну «зарубежную семью», связывало эмиграцию нравственными узами⁵⁵.

Писатель И.С. Шмелев, входивший в состав редакции газеты «Русский инвалид» и являвшийся членом Бюро Главного комитета по устройству Дня помощи русским инвалидам, в своих статьях («Мятый пар», «Снова напоминаю вам...»), «Забыть преступно») активно развивал эту идею. Он взывал к сочувствию и помощи: «В Германии – в сквозных бараках, на православном кладбище Берлина, в Польше, в Турции, во Франции... Нужда во всем: от обуви, рубахи, хлеба, – до ноги, руки, лекарства. Не говоря о ласке, о состраданье. Эти потеряли все. Осталось одно – сознание, что за Россию это. Забыть – преступно!»⁵⁶.

Память

Для эмиграции память о погибших за честь родины оставалась святой обязанностью. Частью жизни участников Великой войны стало патриотическое воспитание молодого поколения, чтение лекций для юных разведчиков, скаутов, соколов, витязей. В свою очередь, молодежные организации почитали ветеранов, ухаживали за могилами воинов, погибших вдали от родной земли. А.С. Гусаченко в своей магистерской диссертации пишет о подвижнической деятельности Сокольского общества в Латвии. Так, Соколы приняли участие в уходе за кладбищем русских воинов 12-й армии в Икшкиле (Икскюль), в Дубулты (поселок на побережье Рижского залива), в Юрмале, под Ригой. В Даугавпилсе общество добровольно взяло на себя обязанности не только по содержанию и уборке захоронений русских воинов, а также несение почетного караула во время торжеств, посвященных чествованию павших. Старостой Русского Сокола в Двинске был Борис Зубарев, ветеран Первой мировой войны. Соколы изготавливали кресты, за два года привели в порядок около 1000 из почти 4000 могил. 5 июля 1930 г. был заложен и 12 сентября 1931 г. состоялось торжественное открытие памятника на братском кладбище Двинска, в котором приняли участие многочисленные организации. По приглашению Комитета Братского кладбища Соколы несли почетный караул⁵⁷.

⁵⁵ Последние новости. 16 мая 1928 г.

⁵⁶ Шмелев И.С. Забыть – преступно! // Возрождение. 29 декабря 1925 г.

⁵⁷ Andrejs Gusačenko, 'Sokol' organizāciju darbība Latvijā (1928–1940.g.) (Rīga: Latvijas Universitāte, 2017), 66–68, 76, 84, 109, 139; Гусаченко А. Деятельность сокольских организаций в межвоенной Латвии // Новый журнал (Нью-Йорк). 2017. № 287. С. 254–255.

Движение за сооружение мемориальных памятников в Зарубежье началось сразу после окончания Первой мировой войны. Но еще в июне 1918 г. Комитет попечения о Русском Легионе установил икону Св. Георгия Победоносца в Св. Александро-Невском Соборе на Рю Дарю в Париже, слева от чудотворной иконы Божией Матери, прикрепив внизу медную досочку с надписью: «В память русских легионеров, павших во Франции. От Комитета попечения о Русском Легионе». 17 июня 1918 г. перед этой иконой была совершена первая панихида. Из девяти раненых офицеров Русского легиона, лежавших на излечении в Парижских госпиталях, смогли прибыть, еще на костылях, лишь трое, остальные офицеры, более тяжело раненые, были прикованы к постели. Союз офицеров экспедиционного корпуса и Легиона Чести – участников войны на французском фронте ежегодно служили перед этой иконой общую панихиду⁵⁸.

В 1919 г. был создан фонд по сбору средств на сооружение памятника русским воинам, умершим на чужбине. Редакция газеты «Русский солдат-гражданин» «в целях расширения средств фонда на постройку памятника» разослала письма с просьбой о подписке на сборник «На чужбине», в котором публиковались солдатские произведения. Именной экземпляры издавался на японской бумаге и стоил 30 франков. Этот сборник сам по себе представлял собой своего рода памятник – отражение чувств русских людей, волей судеб оторванных от родины⁵⁹.

21 октября 1928 г. эмигрантская пресса подробно освещала закладку памятника русскому Неизвестному солдату на Ольшанском кладбище в Чехословацкой республике, инициированного чехословацкими легионерами. Идея нашла поддержку у руководителей чехословацкого Национального совета во главе с председателем, депутатом парламента Прокупеком. В братских могилах покоились останки русских офицеров и солдат, погибших от ран и болезней в австрийском плену. Их останки было решено уложить в маленькие гробики и перенести в крипту, находящуюся под храмом, приурочив к закладке памятника. Тогда же были освящены и подняты колокола, пожертвованные для русского храма королем КСХС, а также митрополитом Евлогием, епископом Сергием, чехословацким премьер-министром К. Крамаржем и его супругой – председательницей комитета по сооружению памятника. В торжественной церемонии приня-

⁵⁸ Васильев В. Русский Легион Чести // Кадетская переключка. 1989. № 46. URL: http://www.xx13.ru/kadeti/rus_korpus.htm.

⁵⁹ ГА РФ. Ф. 6167. Оп. 1. Д. 53. Л. 25.

ли участие представители Югославии и Болгарии, французской военной миссии в Праге. Такая акция объединила и монархистов, и левых эсеров⁶⁰.

В 1937 г. на военном кладбище Сент-Илер-ле-Гран под Мурмелоном русским офицерам и солдатам, погибшим во Франции, по проекту архитектора А.А. Бенуа был воздвигнут Храм-памятник во имя Воскресения Христова. Землю под храм подарил Союзу офицеров экспедиционного корпуса французский крестьянин. Для сбора денег создали по инициативе председателя Союза генерала Н.А. Лохвицкого, кавалера французского ордена Почетного легиона, комитет под председательством М.М. Феодорова. От идеи, высказанной в 1925 г. редактором парижской русской газеты «Вечернее время» Б.А. Сувориным, до воплощения прошло более десяти лет. Разрешение на строительство французские власти дали в конце 1935 г. На закладку первого камня 19 апреля 1936 г. приехал митрополит Евлогий. При освящении храма-памятника присутствовали французские военные и гражданских власти, председатель РОВС Е.К. Миллер, представители других эмигрантских организаций⁶¹.

Двадцатая годовщина Первой мировой войны стала для эмиграции поводом для утверждения в народной памяти ее героев, не уронивших честь России. С.И. Варшавский в статье «Верному русскому воину» в «Последних новостях» 13 августа 1934 г. писал, что если не на родной земле, то за рубежом память верного русского воина будет увековечена. Памятники Неизвестному солдату стоят во всех странах, принимавших участие в Великой войне, во всех, кроме СССР. В Совдепии, отмечал он, такой «символ патриотической верности в царстве тех, кто власть свою построил на предательстве», невозможен.

Не вся эмиграция была солидарна с таким подходом. Звучали предложения и о создании антивоенного памятника, используя как символ Ля-куртинское восстание. 21 мая 1925 г. Общество бывших российских солдат во Франции и на Балканах обратилось в НКВД со следующим письмом: «В то время как империалистические государства проявляют всяческую “заботу” о могилах жертв империалистической войны, разжигая таким путем теплящиеся в народе шовинистические чувства, мы полагаем вполне своевременным поднять вопрос в первую очередь об увековечении памяти погибших солдат I Дивизии в Ля-Куртинской расправе во Франции 5 сентября 1917 г. ...обращаемся с просьбой возбудить перед французским

⁶⁰ Последние новости. 26 октября 1928 г.; Возрождение. 27 октября 1928 г.; Руль. 24 октября 1928 г.

⁶¹ Хазов А.А. Письмо в редакцию журнала «Кадетская переключка» // Кадетская переключка. 1989. № 46. URL: http://www.xx13.ru/kadeti/rus_korpus.htm.

правительством вопрос о разрешении нашему Обществу – борцам против империалистической войны, а также и об устройстве памятника в Африке товарищам, погибшим на каторжных работах, куда они были сосланы французским правительством после ля-куртинского расстрела и последовавшего также в скором времени отказе от участия в империалистической войне 2-ой Особой дивизии, находившейся на Балканах. Поскольку французское правительство проявляло много внимания могилам павших в Бородинском бою, следовало бы, как считали члены Общества, на условиях взаимности высказать встречное пожелание⁶². Однако заведующий II отделом англо-романских стран НКВД сообщил в полномочное представительство СССР во Франции, что «Литвинов полагает неудобным поднимать этот вопрос в официальном порядке»⁶³.

Тысячи русских могил разбросаны по Франции. На многих из них написано: «Неизвестный русский солдат, погиб за Францию». До сегодняшнего дня продолжается мемориальная работа. Возвращается русский воин Первой мировой и в историческое сознание современной России. Совет Федерации России 26 декабря 2012 г. установил памятную дату – 1 августа – День памяти русских солдат, погибших в Первой мировой войне.

Выводы

Участники Первой мировой войны стали не просто частью Зарубежной России, но и определили ее лицо, составили важную часть исторического сознания, исторической памяти как символы национального достоинства и чести. Осознание их вклада в общую победу, признание этой заслуги другими странами делало пребывание вне родины не бессмысленным и случайным, а наполненным патриотизмом, давало возможность не оторваться от родных корней на чужой почве.

Оказавшись заложниками политической игры, революционных событий, комбатанты не заняли в системе государственных ценностей Советской России и стран-союзниц почетное место. Положение спасала самоорганизация военных чинов. Задачей институций и общественности Зарубежной России стало обеспечение социальной помощи, в том числе правовой, информационной, финансовой, материальной и иной, организация более или менее достойного существования солдат, вынесших на своих плечах тяготы Великой войны.

Разбросанные по разным странам бывшие военнопленные, чины Русского экспедиционного корпуса, солдаты и офицеры, завербованные

⁶² АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 8. П. 108. Д. 140. Л. 35–35 об.

⁶³ Там же. Л. 36.

во французский иностранный легион, эвакуировавшиеся из России участницы белого движения, прошедшие через Великую войну, оставшись без поддержки командования и правительства, объединялись в Союзы, проявляли корпоративную солидарность. Общественная активность Зарубежной России и стран-реципиентов сыграла компенсаторную роль. В отличие от России Советской, где память о Великой войне была вытеснена последующими революционными преобразованиями и идеологической оценкой войны как захватнической и империалистической, Зарубежная Россия пыталась увековечить героизм и подвиги солдат и офицеров, воздвигая за рубежом мемориалы павшим русским воинам, символам патриотизма и верности долгу.

В начале ноября 2018 г. на пресс-конференции, посвященной 100-летию окончания Первой мировой войны, научный руководитель Института всеобщей истории, академик РАН, сопредседатель Российского исторического общества А.О. Чубарьян справедливо отметил, что современная Россия возвращает Первую мировую войну «не только в профессиональное сообщество историков, но и в общественное сознание»⁶⁴.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

© Бочарова З.С., 2019

Рукопись поступила: 28 октября 2018 г.

Submitted: 28 October 2018

References

- Abensur, Zh. “Russkiy ekspeditsionnyy korpus vo Francii vo vremya pervoy mirovoy voyny.” [Russian Expeditionary Corps in France during the First World War] *Noveyshaya istoriya Rossii*, no. 3 (2014): 74–85 (in Russian).
- Aseev, I.A. “Deyatel'nost' Rossiyskogo Obshchestva Krasnogo Kresta po zashchite prav voennoplennykh v gody pervoy mirovoy voyny.” [The Activities of the Russian Red Cross Society for the Protection of the Rights of War Prisoners during World War I] *Biznes v zakone. Ekonomiko-yuridicheskiy zhurnal*, no. 4 (2009): 21–23 (in Russian).
- Baur, J. “Zwischen ‘Roten’ und ‘Weißen’ – russische Kriegsgefangene in Deutschland nach 1918.” [Between ‘Red’ and ‘White’ – Russian prisoners of war in Germany after 1918] *Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941. Leben in europäischen Bürgerkrieg*, 93–108. Berlin: [S.n.], 1995 (in Deutsche).
- Bazanov, S.N. *Za chest' i velichie Rossii. Zaby'taya voyna*. Moscow: Territory of the Future Publ., 2011 (in Russian).

⁶⁴ Незабываемая война. Редакция портала «Русский мир». 09.11.2018. URL: <https://russkiymir.ru/publications/248555/>.

- Belova, I.B. “Osnovnye problemy rossiyskogo bezhenstva 1915–1925 gg. v otechestvennoy i zarubezhnoy istoriografii.” [The main problem of the Russian refugee 1915–1925. in domestic and foreign historiography] *Voprosy istorii*, no. 11 (2017): 156–164 (in Russian).
- “Vozvrashhenie na rodinu russkix voennoplennykh i mery sovetskogo gosudarstva po ix materialnoi podderzhke.” [The Repatriation of Russian War Prisoners and Measures of the Soviet State for their Financial Support] *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 1 (2013): 24–28 (in Russian).
- “Vozvrashhenie russkikh voennoplennykh Pervoy mirovoy voiny v Sovetskuyu Rossiyu: istoriograficheskiy aspekt.” [The Return of Russian War Prisoners of World War I to Soviet Russia: Historiographic Aspect] *Vestnik VyatGU*, no. 4 (2014): 72–77 (in Russian).
- Bocharova, Z.S. “Vozvrashhenie na rodinu soldat russkogo ekspeditsionnogo korpusa v 1920-e gody.” [Homecoming of Soldiers of the Russian Expeditionary Corps in the 1920s.] *Voенно-istoricheskiy zhurnal*, no. 9 (2009): 51–58 (in Russian).
- Bogart, E.L. *Direct and Indirect Costs of the Great World War*. New-York: Oxford University, 1920.
- *War costs and their financing; a study of the financing of the war and the after-war problems of debt and taxation*. New York: D. Appleton and company, 1921.
- Budberg, A.P. *Vooruzhennye sily Rossiyskoy imperii v ispolnenii obshhesoyuznykh zadach i obyazannostey vo vremya voyny 1914–1917 gg.* Paris: [S.n.], 1939 (in Russian).
- Butakov, Y. “Russkie soldaty na zarubezhnykh frontakh Pervoy mirovoy voiny.” [Russian soldiers on foreign fronts of World War I] *Svobodnaya mysl*, no. 7–8 (2011): 143–152 (in Russian).
- Byulleten № 59–60 Rossiyskogo Zemsko-gorodskogo komiteta* [Bulletin No. 59-60 of Russian Zemstvo-Municipal Committee], May 15, 1930 (in Russian).
- Collins, R.F. *World War I: Primary documents on events from 1914 to 1919*. Westport, CT: Greenwood Press, 2008.
- Dokumenty vneshney politiki*. Vol. 3. Moscow: [S.n.], 1959 (in Russian).
- Filitov, A.M. “Istoriya Pervoy mirovoy voiny v sovremennom mezhdunarodnom diskurse: traditsionny’e diskussii, novye temy, ‘belye pyatna’.” [The History of World War I in Modern International Discourse: Traditional Discussions, New Topics, ‘White Spots’] *Rossiyskaya istoriya*, no. 4 (2017): 103–122 (in Russian).
- Gatrell, P. “War, Refugeedom, Revolution Understanding Russia’s refugee crisis, 1914–1918.” *Cahiers du monde russe* 58, no. 1 (2017): 123–146.
- Gusachenko, A. “Deyatelnost sokolskikh organizatsiy v mezhoennoy Latvii.” [Activities of Sokol Organizations in Interwar Latvia] *New Journal*, no. 287 (2017): 253–266 (in Russian).
- *‘Sokol; organizāciju darbība Latvijā (1928–1940 g.)*. Riga: Latvijas Universitāte, 2017 (in Latvia).
- Kasyuk, A.Ya., and Krivoruchko, A.A. “World War The First: Total Results and Lessons.” *Vestnik MGLU. Obschestvenniye Nauki / MSLU Bulletin: Social Sciences*, no. 2 (2015): 91–107 (in Russian).

- Korzikhina, T.P. *Sovetskoe gosudarstvo i ego uchrezhdeniya. Noyabr` 1917 g. – dekabr 1991 g. Uchebnik dlya vuzov*. Moscow: RGGU Publ., 1994 (in Russian).
- Letnev, A. “Soldaty Rossii v Alzhire (1918–1920 gg.)” [Soldiers of Russia in Algeria (1918–1920)] *Voprosy` istorii*, no. 5 (1998): 128–136 (in Russian).
- Mirovye voyny XX veka. Pervaya mirovaya voyna. Istoricheskiy ocherk* [World Wars of the 20th Century. World War I. Historical essay]. Moscow: Nauka Publ., 2002 (in Russian).
- Mommsen, H. *Aufstieg und Untergang der Republik von Weimar. 1918–1933*. Berlin: [S.n.], 2009 (in Deutsche).
- Nachtigal, R. *Russland und seine österreichisch-ungarischen Kriegsgefangenen 1914–1918*. Remshalden: [S.n.], 2003 (in Deutsche).
- “Zur Anzahl der Kriegsgefangenen im Ersten Weltkrieg.” *Militärgeschichtliche Zeitschrift*, no. 67 (2008): 345–384 (in Deutsche).
- Nagornaya, O.S. *Drugoy voenny opyt. Rossiyskie voennoplennyye v Germanii v period Pervoy mirovoy voyny (1914–1922)*. Moscow: New Chronograph Publ., 2010 (in Russian).
- Nansen, F. *Rossiya i mir* [Russia and the World]. Moscow: PG. Publ., 1923 (in Russian).
- Oltmer, Jochen, ed. *Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs*. Paderborn: Ver. Ferdinand Schöningh, 2005 (in Deutsche).
- Pavlov, A.Yu. *‘Russkaya odisseya’ epohki Pervoy mirovoy: Russkie ekspeditsionnye sily vo Francii i na Balkanakh*. Moscow; St. Petersburg: Veche Publ.; Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2011 (in Russian).
- “Russkiy ekspeditsionnyy korpus v Salonikakh.” [Russian Expeditionary building in Thessaloniki] *Voенно-istoricheskiy zhurnal*, no. 9 (2001): 56–61 (in Russian).
- Pervaya mirovaya voyna: istoriograficheskie mify i istoricheskaya pamyat*. Moscow: RISI Publ., 2014 (in Russian).
- Polyakov, Yu.A. *Sovetskaya strana posle okonchaniya grazhdanskoy voyny`: territoriya i naselenie*. Moscow: Nauka Publ., 1986 (in Russian).
- Popova, S.S. “‘Serdcza nashi izbolelis o pogibayushhey nashey Rodine...’.” [“Our hearts are sore for our perishing homeland...”] *Voенно-istoricheskiy zhurnal*, no. 2 (2003): 63–69 (in Russian).
- “Sudba russkogo ekspeditsionnogo korpusa vo Francii posle revolyutsii v Rossii. Po neopublikovannym materialam Voennogo ministerstva Frantsii.” [The Fate of the Russian Expeditionary Force in France after the Revolution in Russia. According to Unpublished Materials of the Military Ministry of France] *Russia and France. XVIII–XX century*. Moscow: Nauka Publ., 1995 (in Russian).
- “V plenu u soyuznikov: O polozhenii russkikh soldat i oficerov vo Frantsii.” [In the Captivity of the Allies: About the Status of Russian Soldiers and Officers in France] *Voенно-istoricheskiy zhurnal*, no. 4 (1996): 37–39 (in Russian).
- Poslednie novosti*, May 16, 1928 (in Russian).
- Puateven, P. “Bitva v centre Francii v 1917 godu. Myatezh russkix armiy v lagere Lya-Kurtin.” [The battle in the center of France in 1917. Mutiny of the Russian armies in the camp of La Curtin] *Voенно-istoricheskiy zhurnal*, no. 4 (2001): 64–69 (in Russian).

- Rachamimov, A. *POWs and the Great War: Captivity on the Eastern Front. (Legacy of the Great War)*. New York: Berg, 2002.
- Rossiia v Pervoy mirovoy voine. 1914–1918. *Entsiklopediya*. Moscow: ROSSPEN Publ., 2014 (in Russian).
- Rul, October 13, 1922) (in Russian).
- Shastillo, V.K. *Poslednyaya voyna tsarskoy Rossii*. Moscow: ROSSPE'N Publ., 2010 (in Russian).
- Shcherov, I.P. *Tsentroplenbezh v Rossii: istoriya sozdaniya i deyatelnost v 1918–1922 gg.* Smolensk: SGPU Publ., 2000 (in Russian).
- Sokolov, A.A. “Russkie v Inostrannom legione: Indokitay (konets XIX – seredina XX veka).” [Russians in the Foreign Legion: Indochina (the end of the 19th – mid-20th century)] *Vietnamskie issledovaniya*, no. 2 (2012): 313, 309–336 (in Russian).
- Stepanov, A.I. “Tsena voyny: zhertvy i poteri.” [The Price of War: Casualties and Losses] *In Mirovye voyny XX veka*. Moscow: Nauka Publ., 2002 (in Russian).
- Tarussskiy, E. “Besedy na bivouakax.” [The talks at the Bivouac] *Chasovoy*, no. 207 (1938): 19 (in Russian).
- Utkin, A.I. *Pervaya mirovaya voyna*. Moscow: Algoritm Publ., 2001 (in Russian).
- Vasilev, V. “Russkiy Legion Chesti.” [Russian Legion of Honor] *Kadetskaya pereklichka*, no. 46 (1989). http://www.xx13.ru/kadeti/rus_korpus.htm (in Russian).
- Vasileva, S.N. *Voennoplennye Germanii, Avstro-Vengrii i Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny* [War Prisoners of Germany, Austria-Hungary and Russia during World War I]. Moscow: MGOPU Publ., 1999 (in Russian).
- Vozvrashhenie... 1921–1924 gg.* Vol. 3. of *Russkaya voennaya emigratsiya 20–40-x godov. Dokumenty i materialy*. Moscow: Triada-F Publ., 2002 (in Russian).
- Wehler, H.U. *Deutsche Sozialgeschichte. Vom Beginn des Erstes Weltkriegs bis zur Gründung der beiden deutschen Staaten. 1914–1949*. München: [S.n.], 2003 (in Deutsche).
- Khavkin, B.L. “Russian Front of World War I (1914–1918).” *Novaya i noveyshaya istoriya*, no. 1 (2014): 3–16 (in Russian).
- Khazov, A.A. “Pismo v redaktsiyu zhurnala ‘Kadetskaya pereklichka’.” [Letter to the editors of the journal Cadet Roll Call] *Kadetskaya pereklichka*, no. 46 (1989). http://www.xx13.ru/kadeti/rus_korpus.htm (in Russian).
- Zakon i sud*, no. 17 (1931) (in Russian).
- Zhdanov, N. *Russkie voennoplennye Pervoy mirovoy voyny. 1914–1918 gg* [Russian War Prisoners of World War I. 1914–1918]. Moscow: [S.n.], 1920 (in Russian).
- Zhdanova, I.A. “Organizatsiya vozvrashheniya rossiyskikh plennykh v 1918–1919 godax.” [The Organization of the Return of Russian prisoners in 1918–1919] *Rossiyskaya istoriya*, no. 4 (2011): 63–72 (in Russian).

Archives

- Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy Imperii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire], f. 166, op. 508/3, d. 59, 108.
- Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii [Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation] (thereafter – AVPRF), f. 0136, op. 8, p. 108, d. 140.
- AVPRF, f. 0510, op. 1, p. 1, d. 6.

Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation] (thereafter – GARF), f. 5804, op. 2, d. 69, 71.

GARF, f. 5856, op. 1, d. 536.

GARF, f. 6167, op. 1, d. 5.

GARF, f. 9145, op. 1, d. 55.

Аннотация: Статья посвящена анализу места и роли участников Первой мировой войны в жизни Зарубежной России. Статья опирается на широкую историографическую и источниковую базу. Автор показывает, что комбатанты оказались разбросаны по разным странам, их контингент составили бывшие военнопленные и чины Русского экспедиционного корпуса (РЭК), легионеры, а также эвакуировавшиеся из России участники белого движения, прошедшие через Великую войну. Оставшись без поддержки командования и правительства, многие были дезориентированы, и в этих условиях компенсаторную роль сыграла самоорганизация военных чинов, созданные эмиграцией институции и общественная активность Зарубежной России и страны-реципиента. Автор приходит к выводу о том, что особое место в социальной памяти Зарубежья занял вопрос о сооружении мемориалов русским воинам, погибшим на чужбине. В отличие от России Советской Зарубежная Россия оказывала посильную помощь «носителям русской чести», пыталась увековечить память об их подвигах, создать за рубежом символы патриотизма и верности долгу русского воина.

Ключевые слова: Зарубежная Россия, комбатанты, Русский экспедиционный корпус, военнопленные, Союз русских военных инвалидов

Для цитирования: Бочарова З.С. Судьба комбатантов Первой мировой войны в контексте истории Зарубежной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 1. С. 125–150. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-1-125-150>